

УДК 130.2; УДК 808.1
DOI 10.52575/2712-746X-2026-51-1-203-208
EDN PVANRV

Парадокс авторской смерти: постмортальное бытие автора

¹ Горбачев С.В., ² Егоров Н.С.

¹ Белгородский государственный институт искусств и культуры
Россия, 308007, г. Белгород, ул. Королева, д. 7

² Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85
jivaturik@yandex.ru

Аннотация. С 60-х годов прошлого века авторская смерть вошла в обиход гуманитарной мысли на правах ключевой философской метафоры, оправдывающей методологические принципы постмодернистской текстологии. Смерть в этой метафоре обозначает избыточность автора как источника текстуального смыслообразования. Настоящая статья предлагает иной путь постижения авторской смерти – через биографические и экзистенциальные контексты. При этом смерть рассматривается в перспективе ее отрицания. Целью исследования является установление концептуальных оснований парадокса авторской смерти. В ходе исследования были выявлены четыре стороны парадокса: интерпретативно-пролептическая значимость факта физической смерти автора; постбиографическая подвижность признания; посмертное авторское бытие в Другом; «для-вечности» как экзистенциальная доминанта творческой авторефлексии. Четыре грани парадокса авторской смерти указывают на принципиальную незавершенность («вечно» развертываемую процессуальность) авторского присутствия.

Ключевые слова: автор, смерть автора, парадокс авторской смерти, метафора смерти, жизнь автора, жизнетворчество автора, посмертное признание, бытие в Другом

Для цитирования: Горбачев С.В., Егоров Н.С. 2026. Парадокс авторской смерти: постмортальное бытие автора. *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право*, 51(1): 203–208. DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-1-203-208 EDN: PVANRV

The Paradox of the Author's Death: The Author's Postmortem Existence

Sergey V. Gorbachev, Nikita S. Egorov

¹ Belgorod State Institute of Arts and Culture,
7 Koroleva St, Belgorod 308007, Russian Federation

² Belgorod State National Research University
85 Pobeda St., Belgorod 308015, Russian Federation

jivaturik@yandex.ru

Abstract. Since the 1960s of the author's death has entered the everyday life of humanitarian thought as a key philosophical metaphor justifying the methodological principles of postmodern textual criticism. Death in this metaphor denotes the redundancy of the author as a source of textual meaning-making. This article suggests a different way of understanding the author's death – through biographical and existential contexts. In this case, death is viewed in the perspective of its denial. The purpose of the article is to establish the conceptual foundations of the author's death paradox. The study has revealed four sides of the paradox: the interpretative-proleptic significance of the fact of the author's physical death; the postbiographical mobility of recognition; the posthumous author's

existence in the Other; "For eternity" as the existential dominant of creative self-reflection. The four facets of the paradox of the author's death indicate the fundamental incompleteness (the "eternally" unfolding processuality) of the author's presence.

Keywords: author, author's death, paradox of the author's death, metaphor of death, author's life, author's life creation, posthumous recognition, being in the Other

For citation: Gorbachev S.V., Egorov N.S. 2026. The Paradox of the Author's Death: The Author's Postmortem Existence. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology, Law*, 51(1): 203–208 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-1-203-208 EDN: PVANRV

Введение

«Смерть автора» – это не только наименование программного эссе Р. Барта, но и фундаментальная философская метафора, вставшая в один ряд с сопутствующей смертью субъекта и предшествующей смертью Бога. Подобные метафорические образы прочно вошли в обиход философского и гуманитарного мышления – вспомним такие заглавия, как «Закат Европы» О. Шпенгера или «Умирание искусства» В.В. Вейдле. Бренная органика абстрактного, вневременного и трансцендентного хаотизирует устоявшиеся, «удобные» умозрения. Провокация, заложенная в метафорах, тестирует на прочность прежние теоретические конструкции и ценностные константы. Смерть входит в число основных табу европейской культуры. Она же как явление анатомо-физиологического порядка заведомо несовместима с бестелесными, абстрактными, вечными идеями. Тем ярче смерть выражает масштаб катастрофы, предлагаемой для обсуждения создателями провокативных мортальных метафор. «Да от этой картины у иного еще вера может пропасть!» [Достоевский, 2008, с. 194] – вскричал князь Мышкин, глядя на копию картины Г. Гольбейна «Тело мертвого Христа в гробу». Изображение, поражающее не только героя, но и самого Ф.М. Достоевского, демонстрирует мертвого богочеловека в материальной достоверности. У Ф. Ницше находим еще более натуралистичное описание физической смерти Бога: «То самое светлое, самое могущественное, что было в мире, истекло кровью под нашими ножами» [Ницше, 2023, с. 158].

Обращаясь к идеи авторской смерти, можем ли мы вообразить ее с той же смелостью, с какой Г. Гольбейн и Ф. Ницше интерпретировали смерть божественную? Это возможно в рамках антропологического и конкретно-биографического измерения, присущего фигуре автора. Безусловно, такое представление о смерти уже не будет отсылать к содержанию бартовского эссе, утверждающего избыточность автора как источника текстуального смыслообразования. Р. Барт оспорил верховную власть автора, выражаемую через единство авторского намерения, служащего ключом интерпретации. Смерть как метафорическое условие освобождение текста определило параметры его суверенитета [Барт, 1994]. М. Фуко вслед за Р. Бартом фиксировал смерть автора, объясняя ее стиранием индивидуальных характеристик пишущего субъекта [Фуко, 1996]. Концепт молчания автора, задающий оптику исследования авторского самоограничения, остановки творчества и разрыва дискурсного континуума [Римская, Римский, 2023], также может быть метафорически соотнесен со смертью (и воскресением) автора.

Имея в виду метафорический капитал, закрепленный за смертью автора, мы выходим за его рамки, акцентируя внимание на диалектической напряженности физического и духовного, явленной в жизни и смерти автора-человека. Итак, авторская смерть, популяризированная Р. Бартом, в бартовском же духе будет отчуждена от заданных им смыслов.

Наша цель состоит в анализе, выявлении сторон и черт, парадокса авторской смерти, берущего начало в полисемантике понятий «автор» и «смерть». В первую очередь мы будем опираться на семантическое богатство «автора» – именно оно дает повод увидеть творца как узел витального и мортального, конечного и бесконечного.

Творческое наследие в тени фатума

Смерть автора-человека как уникальное биографическое и культурное событие вызывает колоссальный общественный, читательский, исследовательский интерес, не угасающий веками. Великие авторские смерти побуждают мыслить об оконченной или прерванной миссии; внимать «лебединой песни» – последнему творческому высказыванию; наблюдать или исследовать реакцию современников. Смерть Пушкина – это и тайны дуэли, и «Смерть поэта» М.Ю. Лермонтова, и мнимое перевоплощение в А. Дюма. Не менее интересна смерть и предсмертный уход Л.Н. Толстого. Остались в истории скандальные обстоятельства смерти А.С. Грибоедова и С.А. Есенина. Не забыты прощания с Ф.М. Достоевским, М. Горьким и В.С. Высоцким. Можно утверждать, что в России существует целый мортальный нарратив, посвященный кончине великих авторов. К нему можно отнести «Смерть Вазир-Мухтара» Ю.Н. Тынянова, «Лев Толстой: Бегство из рая» П.В. Басинского (произведение, удостоенное премии «Большая книга» в 2010 г.), сюда же стоит добавить многочисленные статьи, лекции и документальные фильмы.

Мортальный контекст разговора об авторе нередко накладывает отпечаток на восприятие творческого наследия, жизни и жизнотворчества. Преждевременная смерть актуализирует драматические контексты жизни, вписывающиеся в интерпретативные шаблоны страдающей исключительности, непонятого гения, художника мучника или пророка. Фатальные дуэли, описанные в произведениях А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова, рифмуются с их собственными, а строки, сочиненные в последние месяцы жизни приобретают пророческие тона. Приведем в пример фрагменты из стихотворений М.Ю. Лермонтова 1841 года:

На свете мало, говорят,
Мне остаётся жить! [Лермонтов, 2014, с. 327].

Глубокая еще дымилась рана,
По капле кровь точилась моя... [Лермонтов, 2014, с. 349].

Уж не жду от жизни ничего я,
И не жаль мне прошлого ничуть;
Я ищу свободы и покоя!
Я б хотел забыться и заснуть! [Лермонтов, 2014, с. 357].

Таким образом, авторская смерть как конечный факт биографии имеет ретроспективный потенциал, обновляющий и оправдывающий прижизненные творческие потенции в читательских рецепциях. В этом можно усмотреть первую грань мортального парадокса. Назовем ее интерпретативно-пролептической, имея в виду пролепсис (от греч. «предположение, предчувствие, предвидение») смерти как интерпретативный ресурс.

Асинхронность признания: ирония посмертного триумфа

Как известно из истории литературы, «вдохновенные труды» нередко выходят в печать посмертно. В этом можно усмотреть еще один аспект парадокса авторской смерти. Автор не только не исчезает, но и возрождается в новом качестве. Самые значительные творения Ф. Кафки («Замок» и «Процесс») опубликованы посмертно. Ф. Кафка-романист был узан, прочитан, осмыслен и канонизирован в качестве классика модернизма благодаря душеприказчику М. Броду. Этот пример (один из неисчислимого количества подобных) напоминает о необходимости многомерного восприятия авторства: это не только фактическая сторона созидательной деятельности, но и социокультурное признание творца. Последнее не ограничивается рамками человеческой жизни. Более того, признание творческой состоятельности нередко выпадает на долю потомков. В этом авторы-литераторы разделяют общую участь непонятых, непризнанных современниками, гениев искусства (В. Ван Гог, П. Гоген, А. Модильяни и др.). Признанные же гении могут быть забыты и вновь актуализированы путем повторных интерпретаций. «Интерпретация

есть радикальная стратегия сохранения старого текста» [Сонтаг, 2014, с. 16] – писала С. Сонтаг, говоря о встраивании произведения в новую, к примеру, христианскую, парадигму. Интерпретация хранит и автора, обеспечивая его обликом, соответствующим новым духовным или идеологическим реалиям.

Классифицирующие формулы советского литературоведения («прогрессивный писатель», «выразитель освободительных идей», «обличитель самодержавного гнета») не только очерчивают пантеон «правильных» авторов, но и указывают на привилегию каждого «прогрессивного» и «революционного» быть услышанным новыми поколениями советских людей. Безусловно, великий литератор способен пройти через мировой лабиринт посмертной памяти и без могущественных проводников в виде новообразованных властных инстанций литературного контроля. И тем не менее нельзя не отметить зависимость автора от руки властного (санкционирующего) интерпретатора, протянутой через десятки и сотни лет.

Грань парадокса, изложенную выше, можно представить как постбиографическую подвижность признания.

Голос из небытия? Феномен отсроченной коммуникации

Смерть автора-человека уничтожает дальнейшие возможности авторской речи, но сказанное (написанное) продолжает звучать в авторско-читательском диалоге. Сам автор существует в качестве субъекта этого диалога. «Жизнь» здесь – не временной отрезок, но совокупность диалогических событий.

Текст, понимаемый как знаковое выражение акта творческого сознания, есть вечное напоминание об этом акте. Более того, «напоминание» неизбежно актуализуется в ответном акте творческого сознания читателя. Читатель – не только сотворец инобытия произведения, но и гарант бытия собеседника. Безусловно, авторско-читательский диалог ассиметричен: автор после смерти не может добавить к сказанному, в то время как каждый новый читатель (шире – поколение читателей) примитивизирует, мифологизирует, архаизирует или модернизирует текст в своем сознании. В авторско-читательской диалогической ассиметрии заключена возможность развития. Акт творчества не заперт в тексте, но открыт для новой проблематизации. Согласно У. Эко, «любое произведение искусства <...> требует свободного и творческого ответа на него, по крайней мере, потому, что его нельзя по-настоящему понять, если истолкователь не открывает его заново в акте творческого единомыслия с самим автором» [Эко, 2004, с. 29]. Единомыслие и приращение смысла образует диалектическое единство. Едва ли можно можно помыслить полное единение сознаний автора и читателя (такое единение не достигается даже между «ранним» и «поздним» автором, читающим свое же произведение). В той же мере невозможно и абсолютное своеволие читателя, превышающее меру открытости текста. Только в балансе авторской активности и деятельного творческого понимания возможно то, что мы называем диалогической авторской «жизнью».

Описанную грань парадокса авторской смерти обозначим как посмертное диалогическое бытие в Другом. «Быть – значит общаться диалогически» [Бахтин, 2020, с. 426] – эта центральная идея диалогической концепции М.М. Бахтина несовместима со смертью. Читаемый автор, участник диалогического творческого события, обладает непоколебимым (независимым от физической смерти) онтологическим статусом.

Победа над смертью как часть творческого самосознания

Вечное признание – одна из возможных амбиций автора. Было бы неверно утверждать, что эта амбиция присуща любому автору, так же как неверно принципиально обособлять авторов от иных претендентов на вневременную славу. Афоризм Цицерона «Жизнь мертвых заключается (продолжается) в памяти живых» [Античные афоризмы, 1987, с. 59] был написан им в отношении юриста, политика, консула Сервия Сульпиция. Применим он и к выдающимся деятелям из любой сферы общественной и культурной жизни (от легендарных военачальников до почитаемых святых). Тем не менее «вечная»,

предвосхищаемая самим автором, слава обладает своеобразием. Если свершения политика, путешественника или спортсмена славны как часть недавнего или далекого прошлого, то авторские свершения славят творца здесь и сейчас. Это объясняет интенсивность переживания посмертного признания авторами, начиная с древних времен.

Мысль о постмортальном бытии творца была вполне доступна античному авторскому самосознанию (в доказательство можно привести «Памятник» Горация), тем более она была очевидна для творцов последующих веков. Сама природа самоцельного творчества заставляет нас мыслить акты производства текстов как долгосрочное инвестирование экзистенциальных ресурсов. Автор способен жертвовать участием в экономических цепочках товар-деньги, услуга-деньги ради созидания самодостаточного культурного (текстуального) продукта лишённого сиюминутной прагматической заданности. Цель авторской «инвестиции» – вечный символический капитал, нерукотворный памятник. Осознанность экзистенциального вложения иллюстрируется паттерном творческой авторефлексии, разграничивающим физическое и духовное существование:

Боюсь не смерти я. О нет!

Боюсь исчезнуть совершенно.

Хочу, чтоб труд мой вдохновенный

Когда-нибудь увидел свет... [Лермонтов, 2014, с. 106].

Традиционная приоритизация гипотетического «вечного» постмортального признания над гарантией физического бытия, звучащая в корпусе знаковых текстов европейской словесности, даёт нам право выделить следующую грань парадокса авторской смерти: «для-вечности» как экзистенциальная доминанта творческой авторефлексии.

Заклучение

Перечислим грани парадокса авторской смерти.

1. Интерпретативно-пролептическая грань. Историко-литературная и биографическая рефлексия потомков вводит физическую кончину в круг смыслообразующих феноменов авторской деятельности – предшествующие смерти произведения заимствуют фатальные смыслы. Таким образом, смерть выступает не предельной грацией, но частью творческого и житнетворческого бытия.

2. Постбиографическая подвижность признания; посмертные публикации и посмертное «открытие» автора. Триумф не имеет устойчивой синхронизации с драматургией творческой биографии. Более того, процесс признания, «канонизации», автора интерпретативными инстанциями зачастую имеет темпоральный лаг.

3. Посмертное диалогическое бытие в Другом. После физической смерти автор продолжает выступать субъектом авторско-читательского диалога.

4. «Для-вечности» как экзистенциальная доминанта творческой авторефлексии. Автор («вечности заложник») предвосхищает и приоритизирует свое вневременное постмортальное бытие.

Итак, установленный нами мортальный парадокс автора – это четыре довода вопреки («парадокс» – др. греч. «вопреки мнению»). Смерть, понимаемая как прекращение, или завершение, находит во многомерной фигуре автора четыре «не». Смерть не завершает, но дополняет интерпретацию; не завершает, но катализирует процесс социокультурного признания; не завершает диалог; не завершает комплекс амбиций автора, расширяющих проект творческой экзистенции за пределы физического существования.

Список источников

Античные афоризмы. 1987. Темат. сб. Мн., Вышш. шк., 318 с.

Достоевский Ф.М. 2008. Идиот: Роман. В кн.: Собрание сочинений: Ч.1-3. М., Мир книги, 432 с.

- Лермонтов М.Ю. 2014. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 1. Стихотворения. СПб., Издательство Пушкинского Дома, 776 с.
Ницше Ф. 2023. Веселая наука («La gaya scienza»). СПб., Азбука, Азбука-Аттикус, 352 с.

Список литературы

- Барт Р. 1994. Смерть автора. В кн.: Барт Р. *Избранные работы: Семиотика. Поэтика*. М., Прогресс: 384-391.
Бахтин М.М. 2020. Избранное. Т. 2. Поэтика Достоевского. М., СПб., Центр гуманитарных инициатив, 512 с.
Римская О.Н., Римский В.П. 2023. Молчание автора: автор и текст, речь и письмо, дискурс и понимание. *Nomothetika: Философия. Социология. Право*, 3: 623-631.
Сонтаг С. 2014. Против интерпретации и другие эссе. М., АД Маргинем Пресс, 352 с.
Фуко М. 1996. Что такое автор? В кн.: Фуко М. Воля к истине: По ту сторону знания, власти и сексуальности. М., Касталь: 8-48.
Эко У. 2004. Открытое произведение. Форма и неопределенность в современной поэтике. СПб., Академический проект, 384 с.

References

- Bart R. 1994. Smert' avtora [The Death of the Author]. In: Bart R. *Izbrannye raboty: Semiotika. Poetika* [Selected works: Semiotics. Poetics]. Moscow, Progress: 384-391.
Bakhtin M.M. 2020. Izbrannoe. T. 2. Poetika Dostoevskogo [Selected works. Vol. 2. Dostoevsky's Poetics]. Moscow; Saint Petersburg, Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 512 p.
Rimskaya O.N., Rimskii V.P. 2023. Molchanie avtora: avtor i tekst, rech' i pis'mo, diskurs i ponimanie [The Silence of the Author: the Author and the Text, Speech and Writing, Discourse and Understanding]. *Nomothetika: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo*, 3: 623-631.
Sontag S. 2014. Protiv interpretatsii i drugie esse [Against Interpretation and Other Essays]. Moscow, AD Marginem Press, 352 p.
Fuko M. 1996. Chto takoe avtor? [What is an Author?]. In: *Fuko M. Volya k istine: Po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti* [The Will to Knowledge: Beyond Knowledge, Power and Sexuality]. Moscow, Kastal': 8-48.
Eko U. 2004. Otkrytoe proizvedenie. Forma i neopredelennost' v sovremennoi poetike [The Open Work. Form and Indeterminacy in Contemporary Poetics]. Saint Petersburg, Akademicheskii proekt, 384 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 22.04.2025
Поступила после рецензирования 22.07.2025
Принята к публикации 28.02.2026

Received April 22, 2025
Revised July 22, 2025
Accepted February 28, 2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Горбачев Сергей Владимирович, аспирант кафедры философии, культурологии, науковедения, Белгородский государственный институт искусств и культуры, г. Белгород, Россия.

Sergey V. Gorbachev, postgraduate student of the Department of Philosophy, Cultural Studies, and Science Studies, Belgorod State Institute of Arts and Culture, Belgorod, Russia.

Егоров Никита Сергеевич, кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философии и теологии, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

Nikita S. Egorov, Candidate of Philosophical Sciences, Senior Lecturer at the Department of Philosophy and Theology, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.